

Сергей Свой

Из огня - да в полюмя

Сергей Свой

Из огня - да в полымя

«Автор»

2026

Свой С.

Из огня - да в полымя / С. Свой — «Автор», 2026

Он умирал трижды. Последний раз едва не умер на Земле. Человек с другой планеты попал на войну землян, в тело россиянина. На СВО. На войну. Но он не даст погибнуть этой цивилизации от рук людей - он много знает и много умеет. И враги России не достигнут своих целей, будут биты и посрамлены! Да здравствует Россия!

© Свой С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Свой

Из огня - да в полымя

Глава 1

ПАДЕНИЕ

Последний свет Очага

25 марта 2025 года. Где-то над Донецкой областью. Время не важно — здесь время измеряется жизнями.

Он умирал трижды.

Первый раз — когда погас Великий Очаг. Это случилось мгновенно, но сознание Ксан-Та растянуло эту вспышку в вечность, потому что иначе её невозможно было вместить. Сначала была тишина — абсолютная, космическая тишина, которую его народ научился слышать за миллионы лет эволюции. А потом тишина лопнула.

Взрыв звезды — это не просто свет. Это крик материи, разрывающей саму себя. Это гравитационные волны, которые могли бы раздавить планету, если бы планета ещё существовала. Ксан-Та чувствовал, как гибнет его мир — не постепенно, не в агонии, а мгновенно, как мотылёк в пламени свечи.

Он стоял на смотровой площадке Центра Управления Пространством — самого высокого здания на Ксан-Таре. Внизу, в прозрачной дымке атмосферы, лежал город Эр-Ксаль — столица, гордость цивилизации, насчитывавшей двенадцать тысяч лет письменной истории. Город, который он любил.

Вспышка ударила в глаза, и на секунду Ксан-Та ослеп. Когда зрение вернулось — а вернулось оно через долю секунды, потому что его народ давно научился регенерировать сетчатку быстрее, чем любой фотон успевал её прожечь, — он увидел, как Эр-Ксаль превращается в тень.

Не в пепел. Именно в тень. Силуэты зданий, мостов, парков — всё это на мгновение стало чёрным на фоне белого пламени, а потом исчезло. Просто перестало существовать.

— Великий Очаг... — прошептал кто-то рядом.

Ксан-Та обернулся. Рядом стояла Ирра-Сан, его ассистентка, его ученица, его... он не успел подобрать слово, потому что через мгновение её тоже не стало.

Она даже не испарилась. Она просто кончилась, как кончается строка в письме, которое не дописали.

Потом пришла гравитация.

Взрыв звезды — это не только свет и жар. Это искажение пространства-времени такой силы, что само понятие «верх» и «низ» потеряло смысл. Ксан-Та почувствовал, как его отрывает от пола, швыряет в стену, потом в потолок, потом снова в пол — но пола уже не было, были только обломки, летящие в никуда.

Он успел подумать: «Капсула. У меня есть Капсула».

Капсула Сознания была экспериментальным устройством. Его народ работал над ней триста лет, но так и не довёл до ума. Идея была простой до гениальности: если тело погибнет, сознание можно сохранить в гравитационном колодце, законсервировать, как свет в ловушке, и отправить в космос — вдруг кто-то найдёт, вдруг кто-то сможет расшифровать, вдруг кто-то даст вторую жизнь.

Капсула находилась в его кабинете. До неё было семь метров.

Семь метров сквозь ад.

Ксан-Та побежал. Точнее, попытался побежать — гравитация швыряла его, как щенка, но он научился управлять своим телом задолго до того, как научился ходить. Его народ чувствовал гравитацию так же, как люди чувствуют собственное дыхание. Он не боролся с ней — он использовал её, скользил по её волнам, падал туда, куда нужно, и вставал там, где нужно.

Дверь кабинета не открылась — её просто не стало. Стена исчезла, открывая вид на космос. Ксан-Та увидел, как Ксан-Тар — его родная планета, зелёно-голубая жемчужина, — сжимается в точку, а потом исчезает, как будто её никогда и не было.

Он не заплакал. Его народ не знал слёз — у них не было слёзных желез, потому что миллионы лет назад эволюция посчитала их бесполезными. Но если бы они были, Ксан-Та захлебнулся бы в них.

Капсула стояла на столе. Маленький серебристый шар размером с кулак. Он схватил её, сжал в ладони и активировал.

Последнее, что он увидел своим телом, был потолок, рушащийся ему на голову.

А потом была пустота.

Второй раз он умирал в пустоте.

Сознание без тела — это не боль. Это хуже. Это абсолютная, кристально чистая ясность, в которой ты понимаешь всё: что ты мёртв, что ты потерян, что ты никогда больше не увидишь света, не почувствуешь ветра, не услышишь голоса.

Капсула работала. Она сохранила его — его мысли, его память, его личность. Но она не могла дать ему новое тело. Она была просто ловушкой, консервной банкой, брошенной в океан космоса.

Сколько он летел в этой пустоте? Он не знал. Времени не существовало. Были только мысли.

Он думал о Ксан-Таре. О городе Эр-Ксаль. Об Ирре-Сан, которая стояла рядом с ним за мгновение до гибели. О своей работе — о том, как они перемещали на орбиту многотонные платформы, не используя ракет, просто меняя гравитацию, просто переставляя пространство, как дети переставляют кубики.

Он думал о том, что его цивилизация погибла. Вся. Двенадцать тысяч лет истории, искусства, науки, любви, войн (давно забытых), мира (длившегося тысячелетиями) — всё это исчезло за одну секунду.

Он думал: «Зачем я выжил? Чтобы помнить? Чтобы сойти с ума в этом одиночестве?»

Ответа не было. Только пустота и звёзды, равнодушно проплывающие мимо.

А потом пустота кончилась.

Третий раз он умирал в теле человека.

Это было похоже на падение в ледяную воду. Сначала — шок. Потом — боль. Потом — невозможность дышать, потому что лёгкие (у него появились лёгкие!) отказывались работать, а сердце (у него появилось сердце!) билось где-то в горле, в висках, в кончиках пальцев.

Ксан-Та открыл глаза.

Он лежал лицом вниз. В грязи. В какой-то липкой, холодной, вонючей грязи, которая пахла гарью и железом.

Он попытался пошевелиться и едва не закричал от боли. Тело — чужое, тяжёлое, неповоротливое — слушалось плохо. Руки дрожали. Ноги не слушались вообще. В затылке пульсировала такая боль, какой он никогда не испытывал — даже когда гравитация швыряла его о стены гибнущего Центра.

Он перевернулся на спину и посмотрел в небо.

Небо было серым. Не чёрным, как космос, не фиолетовым, как небо Ксан-Тара на закате, а именно серым — тяжёлым, низким, давящим. Сквозь эту серость пробивались редкие лучи чего-то, что местные, видимо, называли солнцем.

— Димон! Димон, твою мать, ты жив?!

Крик раздался откуда-то справа. Ксан-Та повернул голову — это движение отозвалось новой вспышкой боли — и увидел человека.

Человек был в странной одежде: пятнистая ткань зелёного и коричневого цветов, на голове — металлический шлем с опущенным забралом, в руках — какой-то предмет, похожий на... на оружие? Ксан-Та видел оружие только в исторических реконструкциях, но интуиция подсказывала: это оно.

— Димон, не молчи! — человек подбежал ближе, упал на колени рядом с ним. — Ты цел? Где кровь? Блин, Димон, скажи хоть слово!

Ксан-Та открыл рот. Язык — тяжёлый, неповоротливый — не слушался. Он попытался произнести: «Я не Димон. Я Ксан-Та, последний из народа Ксан». Но вместо этого из горла вырвался только хриплый кашель.

— Твою дивизию, — выдохнул человек. — Контузило тебя, Димон. Похоже, глухо. Лежи, не двигайся, сейчас «выходные» подъедут.

«Выходные»? Ксан-Та не понял смысла слова, но решил, что это, видимо, помощь.

Человек тем временем снял шлем, открывая лицо. Молодое, лет тридцать на вид, покрытое щетиной и грязью. Глаза — усталые, красные, с тёмными кругами. Но в них Ксан-Та увидел то, чего не ожидал: беспокойство. Настоящее, искреннее беспокойство о нём — о чужом человеке, которого этот молодой самец, судя по всему, считал своим другом.

Странные существа. Очень странные.

— Где мы? — выдавил Ксан-Та. Голос прозвучал хрипло, незнакомо, но это был человеческий язык. Откуда он его знал?

— Ты чё, вообще память отшибло? — молодой человек нахмурился. — Мы на нулях. За мостом. Ты полез связь чинить, и тут этот сброс... Я думал, всё, капец тебе. А ты живучий, Димон. Как собака живучий.

«Нули». «Мост». «Связь». «Сброс». Слова всплывали в сознании, цепляясь за какие-то образы, которых у Ксан-Та не было. Но они были у того, чьё тело он сейчас занимал.

Память тела. Фантомная память. Он знал об этом явлении теоретически — его народ изучал возможность переноса сознания в чужие биологические носители, но эксперименты так и не завершили. Теперь он испытывал это на себе.

В голове всплывали обрывки: лицо женщины, смеющейся на фоне берёз. Руки, держащие книгу с формулами. Запах озона в лаборатории. Гул генераторов. Страх. Много страха — липкого, холодного, от которого сжимается желудок (у него теперь был желудок!).

И последнее: яркая вспышка, грохот, удар в затылок, темнота.

Этот человек — Димон, Дмитрий Андреевич Соболев, пятьдесят два года, физик-ядерщик, доброволец, связист — умер. Умер за секунду до того, как сознание Ксан-Та вселилось в его тело.

— Вставай, Димон, — молодой человек потянул его за руку. — Слышишь? Тачка гудит. Наши едут.

Ксан-Та с трудом поднялся. Тело шатало, ноги подкашивались, но он удержался. В голове шумело, перед глазами плыли круги.

Он огляделся.

Вокруг был лес. Но лес странный — израненный, искалеченный. Деревья стояли без веток, с обугленными стволами. Земля была перепажана воронками, в которых стояла мутная вода. Пахло гарью, гнилью и ещё чем-то химическим, неприятным.

Рядом лежала перевернутая машина — зелёная, с большими колёсами. Возле неё — два тела. Неподвижные. Мёртвые.

— Саня... Петрович... — молодой человек подошёл к телам, постоял над ними, снял шлем. — Простите, мужики.

Ксан-Та смотрел на мёртвых людей и чувствовал странное. На Ксан-Таре смерть была событием редким и торжественным. Их умирали единицы за столетие — от старости, окружённые заботой и любовью. Здесь смерть была обыденной. Здесь она пахла гарью и лежала под ногами.

— Надо идти, — сказал молодой человек, возвращаясь к нему. — Пойдёшь?

— Пойду, — ответил Ксан-Та.

И они пошли.

Дорога заняла, судя по ощущениям тела, около двух часов. За это время Ксан-Та успел многое понять.

Во-первых, этот мир назывался Земля. Во-вторых, на Земле шла война. В-третьих, война была между двумя группами людей, которые называли себя «русские» и «украинцы», но при этом говорили почти на одном языке и выглядели абсолютно одинаково.

— Как вы отличаете своих от чужих? — спросил Ксан-Та, когда они остановились передохнуть.

Молодой человек — его звали Серёга, позывной «Чех» — посмотрел на него с подозрением.

— Димон, ты точно в порядке? Шутки у тебя какие-то...

— Я не шучу.

— По форме отличаем, — Серёга вздохнул. — У нас — триколор, у них — жовто-блакит. Ну и по поведению. Наши так не ходят, как они ходят. И по говору. Хотя сейчас уже всё перемешалось... Ты давай, не отключайся. Скоро блокпост.

«Блокпост». Ещё одно слово. Оно означало укреплённый пункт, где сидят вооружённые люди и проверяют, кто идёт.

Когда они вышли к блокпосту, солнце уже клонилось к закату. Ксан-Та увидел несколько бетонных блоков, мешки с песком, пулемёт на треноге и человек десять в такой же пятнистой одежде, как у Серёги.

— Чех! Живой! — крикнул кто-то. — А где Саня с Петровичем?

Серёга промолчал. Только головой покачал.

Все поняли. Наступила тишина.

— А Димон чего молчит? Контузило?

— Глухо, — ответил Серёга. — Еле идёт. Память отшибло, вопросы странные задаёт. Типа как мы своих от чужих отличаем.

— Бывает, — сказал пожилой мужчина с нашивками, подходя к Ксан-Та. — Я Дед, командир роты. Ты меня помнишь, Дмитрий Андреевич?

Ксан-Та посмотрел на него. Память тела подсказала: да, этот человек был знаком Дмитрию Соболеву. Они вместе пили чай, вместе сидели в окопе, вместе...

— Помню, — соврал Ксан-Та. — Вы Дед.

— Молодец, — Дед похлопал его по плечу. — Значит, не всё потеряно. Ведите его в землянку, пусть отлежится. Завтра разберёмся.

Землянка оказалась вырытым в земле помещением с нарами, печкой-буржуйкой и тусклой лампочкой, работающей от аккумулятора. Ксан-Та лёг на указанное место и закрыл глаза.

Он не спал. Его народ не нуждался во сне в человеческом понимании — у них были периоды медитации, но полного отключения сознания не происходило никогда. Однако тело требовало отдыха. Оно было слабым, измученным, раненым.

Ксан-Та лежал и слушал.

Землянка гудела голосами. Люди говорили о войне, о снарядах, о дронах, о том, что «на той стороне» снова шевеление. Говорили о погибших Сане и Петровиче — как жалко, хорошие были мужики. Говорили о нём — Димоне, который, видимо, был уважаемым человеком, хоть и «гражданским» до мозга костей.

— Учёный, блин, — сказал кто-то. — Ядерщик. Из самого Сарова. Мог бы в тылу сидеть, а он попёрся сюда. Говорит, не могу, когда пацаны гибнут.

— Таких сейчас мало, — ответил другой. — Жалко, если контузия мозга отобьёт. Умный мужик был.

«Был», — подумал Ксан-Та. — «Они говорят о нём в прошедшем времени. Они уже чувствуют, что его нет».

Ночью, когда все уснули, Ксан-Та вышел из землянки.

Небо было ясным. Звёзды — яркими. Он смотрел на них и искал знакомые созвездия. Но ничего не находил. Это был чужой космос, чужой сектор галактики, чужая реальность.

Где-то там, в миллиардах световых лет отсюда, догорали остатки его солнца. Где-то там плыла пустота, в которой когда-то была его планета.

Ксан-Та поднял руку к небу.

Он попытался почувствовать гравитацию. Ту самую, которую чувствовал с рождения, как воздух, как воду, как биение сердца.

Сначала ничего не было. Только слабое, едва уловимое притяжение Земли — жалкие 9.8 метра в секунду, детский лепет по сравнению с гравитацией Ксан-Тара.

Но потом... потом он почувствовал.

Тонкие нити, связывающие всё со всем. Луну, тянущую океаны. Солнце, удерживающее планеты. Саму Землю, висящую в пустоте на невидимой струне.

Он всё ещё чувствовал это. Способность осталась.

Ксан-Та улыбнулся. Впервые за то время, что был в этом теле.

— Я жив, — прошептал он. — Я жив, и я всё ещё умею это делать.

Где-то далеко, за линией горизонта, загрохотало. Ночная работа артиллерии.

Ксан-Та посмотрел в ту сторону и подумал: «Зачем вы убиваете друг друга? Зачем вам это? У вас есть планета, есть воздух, есть вода, есть жизнь. Вы можете строить, создавать, любить. А вы воюете».

Ответа не было. Только грохот канонады.

Он вернулся в землянку, лёг на нары и закрыл глаза. Надо было учиться быть человеком. Надо было учиться жить в этом теле. Надо было понять, что делать дальше.

Но сначала — надо было выжить.

Утро началось с обстрела.

Ксан-Та проснулся от грохота, который, как ему показалось, разрывал барабанные перепонки. Тело подбросило на нарах, в ушах зазвенело, в глазах потемнело. Кто-то схватил его за шиворот и потащил куда-то.

— В укрытие, Димон! В укрытие, мать твою!

Это был Серёга. Он тащил его к выходу из землянки, но землянка уже не была выходом — она была ловушкой. С потолка сыпалась земля, печка-буржуйка опрокинулась, лампочка погасла.

— Сюда! — крикнул кто-то.

Ксан-Та увидел, как люди прыгают в щель — узкую траншею, вырытую рядом. Он рванул туда, увлекая Серёгу за собой.

Они упали на дно траншеи, и в этот момент рядом с землянкой разорвался снаряд.

Ударная волна прокатилась над головами, засыпая их землёй. Ксан-Та лежал, прижавшись к мокрой глине, и чувствовал, как дрожит земля. Как она пульсирует от разрывов. Как она кричит.

Он слышал крики и людей. Кто-то звал на помощь. Кто-то плакал. Кто-то матерился длинно и страшно.

А потом так же внезапно, как началось, всё стихло.

— Отбой, — сказал Дед, поднимаясь и отряхиваясь. — Перелёт. Работайте, мужики, по ранениям.

Ксан-Та выполз из траншеи и увидел, что землянки больше нет. На её месте — воронка. Чёрная, дымящаяся, глубокая.

— Если бы мы там остались... — начал Серёга.

— Не остались, — перебил его Дед. — Димон, ты как?

— Я... — Ксан-Та прислушался к телу. — Кажется, цел.

— Молодец. Быстро среагировал. А то некоторые... — Дед махнул рукой в сторону, где двое бойцов перевязывали третьего. У того была разорвана рука.

Ксан-Та смотрел на кровь. Настоящую, человеческую кровь, льющуюся на землю. Он никогда не видел крови — на Ксан-Таре не было войн, не было насилия, не было ран. Кровь была для него абстракцией, символом, метафорой.

Теперь она была реальностью.

— Надо помочь, — сказал он.

— Сиди, — остановил его Дед. — Ты связист, а не санитар. У тебя другая работа.

Связист. Да, память тела подсказывала: Дмитрий Соболев умел обращаться с приборами связи, налаживать каналы, чинить повреждённое оборудование. Это было его задачей здесь.

— Связь работает? — спросил Ксан-Та.

— Не работает, — Дед покачал головой. — Вчера ты полез её чинить, и вот результат. Сейчас опять всё накрылось. Пойдёшь?

Ксан-Та посмотрел туда, откуда они пришли вчера. Там, за лесом, за мостом, была линия, где проходил кабель. Там было опасно. Там вчера погибли Саня и Петрович.

— Пойду, — сказал он.

Серёга посмотрел на него как на сумасшедшего.

— Димон, ты чё? Тебя же контузило вчера! Отоспись, в себя приди!

— Связь нужна, — ответил Ксан-Та. — Если её нет, вы не сможете вызвать помощь, не сможете координировать огонь, не сможете...

— Умный ты, Димон, — вздохнул Дед. — Слишком умный для этого ада. Ладно. Чех, пойдёшь с ним. Прикроешь.

— Есть, — козырнул Серёга.

Они пошли вдвоём. Ксан-Та нёс катушку с проводом, Серёга — автомат и запасные магазины.

— Слушай, Димон, — сказал Серёга, когда они углубились в лес. — Ты вчера спрашивал, как мы своих от чужих отличаем. А сегодня спрашивать не будешь?

— Не буду, — ответил Ксан-Та. — Я понял.

— Что понял?

— Что это неважно. Важно, чтобы перестали стрелять.

Серёга хмыкнул.

— Философ ты, Димон. Раньше за тобой такого не замечал. Раньше ты больше про антенны да частоты говорил.

— Раньше я был другим.

— Это точно, — Серёга вздохнул. — Контузия, она людей меняет. Моего дядьку тоже контузило в Чечне, так он после этого разговаривать разучился. А ты, наоборот, говорить начал. Да так, что не поймёшь.

Они вышли к месту вчерашней трагедии. Перевернутый УАЗик всё ещё лежал на боку. Тела Сани и Петровича забрали — видимо, ночью приезжала похоронная команда. Но следы крови остались.

Ксан-Та остановился, глядя на тёмные пятна на земле.

— Не смотри, — сказал Серёга. — Привыкнешь.

— Не хочу привыкать.

— Придётся. Здесь по-другому нельзя.

Они нашли место обрыва кабеля. Прямое попадание осколка — провод перебит в нескольких местах. Ксан-Та опустился на колени и начал работать.

Пальцы слушались плохо — человеческие руки были грубыми и неуклюжими по сравнению с теми конечностями, к которым он привык. Но память тела помогала. Дмитрий Соболев делал это сотни раз, и мышцы помнили, даже если мозг был занят другим.

— Готово, — сказал Ксан-Та через полчаса, соединяя последний провод. — Теперь должно работать.

— Молодец, — похвалил Серёга. — Пошли назад, пока...

Он не договорил. В небе что-то загудело.

— Дрон! — крикнул Серёга. — Ложись!

Ксан-Та лёг, прижавшись к земле. Сквозь ветки он увидел в небе чёрную точку. Дрон висел на высоте метров трёхсот, медленно поворачиваясь.

— Он нас видит? — спросил Ксан-Та.

— Не знаю, — прошептал Серёга. — Если видит — через пять минут здесь будет миномёт. Надо уходить.

Но Ксан-Та не двигался. Он смотрел на дрон и чувствовал.

Чувствовал его гравитацию. Его массу. Его поле.

Это было похоже на то, как если бы всю жизнь ты слышал музыку, а потом внезапно оглох — и вдруг снова слышал. Слабый, едва уловимый сигнал, но он был.

— Серёга, — тихо сказал Ксан-Та. — Не двигайся.

— Ты чё, Димон? Спятил? Надо...

— Тихо.

Ксан-Та закрыл глаза. Он сосредоточился на дроне, как учили его много лет назад, в школе управления гравитацией на Ксан-Таре. Представил его вес, его положение, его траекторию. И мысленно потянул.

Ничего не произошло.

Дрон висел, как висел.

— Димон, блин, вставай! — зашипел Серёга.

— Подожди.

Ксан-Та попробовал снова. На этот раз он не просто «потянул» — он представил, как гравитация под дроном становится сильнее. Как невидимая рука тянет его вниз.

В голове вспыхнула боль. Резкая, как удар ножом. Из носа потекла кровь.

— Димон!

— Смотри.

Дрон дрогнул. Сначала чуть-чуть, как будто попал в воздушную яму. Потом сильнее. А потом он просто... упал.

Не спикировал, не взорвался — именно упал, камнем, прямо в лес, метрах в ста от них. Серёга смотрел на это с открытым ртом.

— Это чё было? — выдавил он наконец.

— Не знаю, — Ксан-Та вытер кровь с лица. — Наверное, заглох.

— Дроны не глючат, — Серёга покачал головой. — Дроны, Димон, это тебе не телевизор. Это техника. Если он упал, значит, или батарея села, или... или...

Он не договорил. Посмотрел на Ксан-Та странным взглядом.

— Ты как себя чувствуешь?

— Плохо, — честно ответил Ксан-Та. — Голова болит.

— Пошли. Надо Деду доложить.

Они вернулись на позиции. Ксан-Та еле шёл — после попытки воздействовать на дрон его тело ослабло, как будто он пробежал марафон. Серёга поддерживал его, не задавая вопросов.

Но вопросы были. Они читались в его глазах.

Вечером того же дня Ксан-Та сидел у костра (на Ксан-Таре огонь не использовали, и это было ново, интересно, но опасно) и грел руки. Серёга сидел напротив и молчал. Дед курил, поглядывая на них обоих.

— Рассказывай, — сказал Дед, когда остальные разошлись.

— Что рассказывать? — спросил Ксан-Та.

— Как ты дрон уронил.

— Я не ронял. Он сам упал.

— Чех говорит, ты на него смотрел, и он упал. И у тебя кровь носом пошла.

— Контузия, — пожал плечами Ксан-Та. — У меня голова болит, давление скачет.

Дед посмотрел на него долгим, тяжёлым взглядом.

— Дмитрий Андреевич, я тебя не первый день знаю. Ты хороший мужик, толковый учёный. Но я никогда не видел, чтобы учёные роняли дроны взглядом. Это или чудо, или... — он замолчал.

— Или что?

— Или ты не Дмитрий Андреевич.

Ксан-Та молчал. Сказать правду? А что он скажет? «Здравствуйте, я инопланетянин, моя планета взорвалась, я вселился в тело вашего товарища»?

— Я не знаю, что произошло, — ответил он наконец. — Я просто хотел, чтобы этот дрон упал. И он упал. Может, совпадение. Может, у него действительно села батарея. Я не знаю.

— Ладно, — Дед поднялся. — Отдыхай. Завтра поговорим.

Он ушёл. Серёга проводил его взглядом и повернулся к Ксан-Та.

— Димон, — тихо сказал он. — Ты мне скажи, если что. Я никому не скажу.

— Что сказать?

— Что ты... ну... не знаю. Димон, ты странный стал. Очень странный. Как будто подменили.

— Меня контузило.

— Контуженных я видел. Они тупеют, тормозят, забывают слова. А ты вроде помнишь всё, но говоришь как-то... не по-нашему. Как инопланетянин, честное слово.

Ксан-Та усмехнулся. Впервые за два дня.

— Может, я и есть инопланетянин.

— Ага, — Серёга тоже усмехнулся. — И летал ты на тарелке, и уши у тебя зелёные. Ладно, Димон, шут с тобой. Спи давай. Завтра тяжёлый день.

Он ушёл в землянку (новую, вырытую наспех). А Ксан-Та остался сидеть у костра, глядя на звёзды.

Где-то там, в этой чёрной бесконечности, погиб его мир. Где-то там плавала Капсула Сознания, пустая, бесполезная. Где-то там была Ирра-Сан, превратившаяся в тень.

А здесь была война. И люди, которые умирали каждый день. И тело учёного, который тоже умер, но чьё тело продолжало жить.

— Зачем? — спросил Ксан-Та у звёзд. — Зачем я здесь? Что я должен делать?

Звёзды молчали.

Но где-то внутри, в той части сознания, которая всё ещё помнила Ксан-Тар, родилась мысль:

«Ты здесь, чтобы помнить. Чтобы не дать им забыть, что они — люди. Что они могут быть лучше. Что война — это не единственный способ».

Ксан-Та вздохнул, поднялся и пошёл в землянку.

Завтра будет новый день. И новые испытания.

Конец первой главы

Глава 2

Вес молчания

26-28 марта 2025 года. Позиции российских войск под Донецком.

Утро началось с тишины.

Ксан-Та лежал на нарах и слушал эту тишину, удивляясь тому, как много в ней звуков. Где-то скрипела ветка. Где-то капала вода. Где-то, очень далеко, утробно ухала артиллерия — но так далеко, что звук доходил уже не ударом, а воспоминанием.

Тело болело. Каждая мышца, каждая кость, каждая клетка напоминали о себе тупой, ноющей болью. Вчерашняя попытка воздействовать на дрон высосала из него столько энергии, сколько не забирал ни один эксперимент на Ксан-Таре.

«Примитивная форма жизни, — подумал он о своём новом теле. — Такая хрупкая. Такая несовершенная. И такая... живая».

Он сел. Голова закружилась, но Ксан-Та справился с этим — научился за два дня подавлять слабость усилием воли. В конце концов, если ты управлял гравитацией, управлять собственным вестибулярным аппаратом — сущие пустяки.

В землянке никого не было. Только на соседних нарах валялся чей-то бронежилет и висел автомат на гвозде. Ксан-Та вышел наружу.

Утро было серым, как и все предыдущие. Солнце пыталось пробиться сквозь облака, но у него плохо получалось. В воздухе пахло сыростью, дымом и чем-то ещё, что Ксан-Та уже научился идентифицировать как запах войны — смесь сгоревшего пороха, машинного масла и страха.

— Очухался? — Серёга сидел у костра и помешивал что-то в котелке. — Иди жрать.

Ксан-Та подошёл, сел на перевёрнутый ящик. Серёга протянул ему миску с какой-то серой массой, отдалённо напоминавшей еду.

— Что это?

— Каша. Перловая. С тушёнкой. Жри, не возникай.

Ксан-Та попробовал. На вкус это было... странно. На Ксан-Таре пища была лёгкой, почти невесомой, насыщенной чистыми элементами. Здесь еда была тяжёлой, грубой, но при этом странно уютной. Как будто само тело знало, что без этой грубой пищи оно умрёт.

— Дед зовёт, — сказал Серёга, не глядя на него. — После завтрака чтоб подошёл.

— Зачем?

— Не знаю. Спрашивать не стал. Он командир, я солдат.

Ксан-Та кивнул и продолжил есть. Мысли лихорадочно метались. Дед явно что-то заподозрил. Вчерашний разговор у костра, вопросы, взгляды... Если его разоблачат, что тогда? Убьют? Закроют в лаборатории? Будут пытаться?

На Ксан-Таре не было пыток. Там вообще не было насилия. Но память тела Дмитрия Соболева подсказывала: на Земле люди умеют делать друг другу больно. Очень больно. И очень изощрённо.

— Чех, — тихо спросил Ксан-Та. — Что будет, если человека заподозрят в том, что он... не тот, за кого себя выдаёт?

Серёга поднял на него глаза.

— Ты о чём?

— Просто интересно.

— Ну, смотря кто заподозрит. Если свои — отправят в особый отдел, там разберутся. Если чужие... — он помолчал. — Лучше не попадаться чужим.

— Понятно.

— Димон, — Серёга понизил голос. — Ты это... если тебе скрыть что надо, ты скажи. Я помогу. Ты меня вчера от дрона спас, хоть и не признаёшься. Я в долгу.

— Я не спасал. Я просто...

— Просто смотрел, и дрон упал. Да-да, я помню.

Они помолчали. Серёга доваривал кашу, Ксан-Та смотрел на огонь.

«Огонь, — думал он. — Удивительная вещь. На Ксан-Таре мы не знали открытого пламени. Вся энергия была чистой, гравитационной. А здесь люди греются у огня, готовят на огне, убивают огнём. Огонь — их бог и их проклятие».

После завтрака он пошёл к Деду.

Дед сидел в отдельной землянке, которая служила штабом. Там стоял стол, заваленный картами, рация в углу и несколько ящиков с боеприпасами. Дед поднял голову, когда Ксан-Та вошёл.

— Садись, Дмитрий Андреевич. Разговор есть.

Ксан-Та сел.

— Я тут ночью думал, — начал Дед. — Про вчерашнее. Про дрон. И про тебя.

— Я уже объяснил...

— Ты ничего не объяснил, — перебил Дед. — Ты сказал "не знаю". А я не люблю, когда на моём участке происходят вещи, которых никто не знает. Поэтому я запросил данные по беспилотникам за вчерашний день.

У Ксан-Та ёкнуло сердце. Человеческое сердце, которое теперь билось в его груди.

— И что? — спросил он как можно спокойнее.

— Дрон не падал, — Дед посмотрел на него в упор. — Его зафиксировали в воздухе, а через секунду он пропал с радаров. Не упал, не снизился, не ушёл на базу. Просто исчез из поля зрения. А через полчаса его нашли в лесу наши разведчики. Целый. Не взорвался, не разбился. Просто лежал на земле, как будто его аккуратно поставили.

Ксан-Та молчал.

— Дмитрий Андреевич, я старый человек. Я две войны прошёл, Чечню, Сирию. Я видел много странного. Но чтобы беспилотник, начинённый взрывчаткой, просто взял и аккуратно лёг на землю — такого не было. У них там система самоуничтожения, если что. А этот — целёхонький. Даже камера работает. Мы на записи посмотрели. Там видно, как он зависает, а потом — бац! — и темнота. Падение длилось доли секунды. Как будто его кто-то выключил.

— Я не знаю, что сказать.

— А ты скажи правду, — Дед наклонился вперёд. — Ты учёный. Ядерщик. Может, у вас там в Сарове что-то придумали? Какое-то оружие новое? Системы РЭБ? Если это секрет, ты скажи, я пойму. Мне только знать надо, чтобы тактику корректировать.

Ксан-Та лихорадочно соображал. Сказать, что это секретное оружие? Но тогда придётся врать дальше, придумывать детали, объяснять, почему он, простой связист, вдруг оказался оператором этого оружия. А если проверят? Если свяжутся с Саровом?

— Это не оружие, — сказал он наконец. — Это... я сам не понимаю, что это.

— Объясни.

— Вы не поверите.

— Ты попробуй.

Ксан-Та посмотрел в глаза Деду. В них была усталость, боль, многолетний опыт потерь — и странная, почти детская готовность поверить в чудо. Люди на войне часто верят в чудеса. Иначе как выжить?

— Я не Дмитрий Соболев, — сказал Ксан-Та. — Вернее, тело его, а сознание... моё. Я с другой планеты. Моя звезда взорвалась, моя цивилизация погибла. Я сохранился в капсуле и попал сюда, в это тело, когда Дмитрий умер от контузии.

Дед молчал минуту. Потом достал папиросу, закурил, выпустил дым к потолку.

— А раньше ты кем был? На своей планете?
— Логистом. Курировал перемещение грузов на орбиту. Без ракет. С помощью гравитации.

— И поэтому дрон упал? Ты его гравитацией...

— Я попробовал. Впервые в этом теле. Получилось, но очень слабо. И очень больно. Дед снова замолчал, затягиваясь папиросой.

— Значит, инопланетянин, — сказал он наконец. — А уши не зелёные.

— У нас не было ушей. Мы воспринимали звук иначе.

— А говоришь по-русски чисто.

— Память тела. Дмитрий знал язык, я пользуюсь его памятью.

— А Димон... он где? Соболев?

— Мёртв. Я занял тело через секунду после смерти.

Дед кивнул, как будто это было самое обычное дело.

— Ладно, — сказал он. — Допустим, я тебе поверил. Что дальше?

— Не знаю, — честно ответил Ксан-Та. — Я не знаю, зачем я здесь. Я не знаю, что делать. Я просто пытаюсь выжить.

— Выжить, говоришь... — Дед погасил папиросу. — А помочь нам можешь? Кроме дронов ронять?

— Могу. Если научусь управлять этим телом так же, как управлял своим. Мне нужно время и... условия.

— Какие условия?

— Тишина. Возможность концентрироваться. И большие массы. Чем больше предмет, тем легче с ним работать.

— Большие массы? — Дед усмехнулся. — Танк подойдёт?

— Подойдёт. Но я пока не смогу. Нужна практика.

— Практика... — Дед задумался. — Слушай, инопланетянин. У меня тут война. Люди гибнут каждый день. Если ты правда можешь помочь — помоги. А остальное... остальное потом разберём. Тайну твою пока сохраню. Скажу всем, что контузия у тебя тяжёлая, память плавает, ведёшь себя странно. А ты пока осваивайся. И учись.

— Спасибо, — сказал Ксан-Та. — Я не ожидал...

— Чего не ожидал? Что поверят? — Дед усмехнулся. — Сынок, я столько смертей видел, что в чудеса уже давно готов поверить. Если ты правда с другой планеты — значит, так надо. Значит, не зря ты сюда попал. А если ты псих — ну, значит, псих. Но псих, который дроны взглядом роняет, мне на войне пригодится. Иди работай.

Ксан-Та вышел из землянки. На душе было странно — тяжело и легко одновременно. С одной стороны, он только что раскрыл тайну, которая могла стоить ему жизни. С другой — этот старый, усталый человек принял его. Не как врага, не как подопытного, а как... как союзника.

«Люди удивительные, — подумал Ксан-Та. — Они способны на такую жестокость — и на такое доверие».

Следующие два дня прошли в странном ритме.

Ксан-Та продолжал выполнять обязанности связиста — чинил провода, настраивал рации, помогал с оборудованием. Но в свободное время Дед выделял ему угол в дальней землянке, где он мог тренироваться.

Тренировки были мучительными.

Первое, что он попытался сделать — поднять камень. Обычный булыжник весом килограммов пять. На Ксан-Таре это было проще, чем дышать. Здесь камень даже не шелохнулся.

— Не получается? — спросил Серёга, который вызвался помогать (Дед посвятил его в тайну, потому что доверял, как сыну).

— Слишком слабое тело, — ответил Ксан-Та, вытирая кровь из носа. — Нейронные связи есть, но они не настроены на этот носитель. Это как пытаться играть на скрипке в боксёрских перчатках.

— На чём играть?

— Неважно.

Он пробовал снова и снова. Камень не двигался. Но Ксан-Та чувствовал, что связь с гравитацией становится чуточку сильнее с каждой попыткой. Как будто его мозг (теперь человеческий мозг) учился использовать способности, которые были заложены в нём с рождения.

На второй день ему удалось сдвинуть камень на миллиметр. Серёга, который сидел рядом и "охранял" от посторонних, чуть не подпрыгнул.

— Димон! Я видел! Он шевельнулся!

— Сам шевельнулся, — прохрипел Ксан-Та, лёжа на спине и глотая воздух. — Откатился.

— Врёшь! Я точно видел!

— Ладно, — Ксан-та улыбнулся. — Шевельнулся.

Вечером того же дня пришёл Дед.

— Есть работа, — сказал он. — Разведка передала: завтра утром через наш участок пойдёт колонна. Три "Буратино", грузовики с боеприпасами. Надо их пропустить, а послезавтра по ним будет работать артиллерия.

"Буратино" — память тела подсказала, что это тяжёлые огнемётные системы. Страшное оружие.

— А я тут при чём? — спросил Ксан-Та.

— При том, — Дед помялся. — Понимаешь, у них сейчас дроны круглосуточно висят. "Старлинки" наводят, корректировщики работают. Если наша колонна пойдёт открыто, её разнесут ещё до того, как она доедет. А если пойдёт ночью — всё равно увидят, у них тепловизоры. Надо как-то... прикрыть.

— Я не смогу поднять колонну, — Ксан-Та покачал головой. — У меня сил хватает только на камень.

— А не поднять, — Дед прищурился. — А отвести глаза. Ты говорил, гравитацией управляешь. А светом? Теплом? Не можешь сделать так, чтобы их дроны видели не то, что есть?

Ксан-Та задумался. На Ксан-Таре они не работали с теплом и светом напрямую. Но гравитация искривляет пространство. А искривлённое пространство искривляет и свет.

— Теоретически, — сказал он медленно. — Если создать локальное искривление, можно отклонить лучи. Сделать так, что тепловизор будет видеть не машину, а, скажем, дерево. Но это очень тонкая работа. Я никогда не пробовал.

— А попробуй, — Дед положил руку ему на плечо. — Если не получится — колонну сожгут. А там двести человек, Димон. Двести жизней.

Ксан-Та посмотрел на него. В глазах Деда была мольба. Не приказ, не требование — именно мольба.

— Я попробую, — сказал он.

Колонна должна была пройти через их участок в три часа ночи.

Ксан-Та сидел на наблюдательном пункте — маленьком окопчике на возвышенности, откуда была видна дорога. Рядом с ним сидел Серёга с автоматом и ещё один боец, позывной "Кузя", с тепловизором.

— Вижу их, — прошептал Кузя. — Идут.

Ксан-Та посмотрел в ночь. Он ничего не видел — только темноту. Но он чувствовал. Чувствовал вибрацию земли, гул моторов, тепло выхлопов.

И чувствовал дроны.

Их было три. Они висели высоко, почти невидимые, и сканировали местность тепловизорами. Ксан-Та ощущал их как три сгустка холода и тепла одновременно — холод металла и тепло электроники.

— Начинаю, — сказал он.

Закрыв глаза. Сосредоточился.

Первая машина колонны — тяжёлый грузовик с ракетами. Ксан-Та представил её в гравитационном поле. Увидел, как тепло от двигателя поднимается вверх, как оно рассеивается в воздухе. И мысленно... повернул.

Не машину. Пространство вокруг машины.

На долю секунды мир стал другим. Ксан-Та увидел, как лучи тепла, идущие от грузовика, натываются на невидимую стену и уходят в сторону. Тепловизор дрона должен был видеть сейчас не горячий двигатель, а холодную землю.

— Не работает, — прошептал Кузя. — Дрон как висел, так и висит. Ждёт.

— Работает, — выдохнул Ксан-Та. — Он ждёт, потому что не видит. Если бы видел — уже бы наводил.

Вторая машина. Третья. Четвёртая.

Каждый раз Ксан-Та прикладывал колоссальное усилие. Каждый раз кровь текла из носа, из ушей, из глаз — он чувствовал её солёный вкус на губах.

— Димон, ты... — начал Серёга.

— Молчи.

Колонна шла медленно. Очень медленно. Каждая минута длилась вечность. Ксан-Та держал поле, не давая дронам увидеть истинную картину.

А потом случилось то, чего он боялся.

Один из дронов начал снижаться.

— Он что-то заподозрил, — прошептал Кузя. — Идёт на проверку.

Ксан-Та открыл глаза. Дрон спускался прямо к дороге. Если он сядет ниже облаков, то увидит колонну невооружённым глазом — искривление не работает с видимым светом, только с теплом.

— Уходим, — сказал Серёга. — Димон, надо уходить, он сейчас сброс сделает!

— Подожди.

Ксан-Та снова закрыл глаза. На этот раз он не стал уклонять тепло. Он ударил.

Прямо по дрону.

Удар гравитацией был слабым — слишком слабым, чтобы сбить аппарат. Но достаточным, чтобы дестабилизировать его. Дрон качнулся, завалился на бок, начал падать — но не камнем, а планируя, пытаясь выровняться.

— Падает! — закричал Кузя. — Он падает!

— Не ори, — оборвал его Серёга. — Смотри.

Дрон упал в лес, метрах в пятистах от дороги. Взрыва не было — значит, не задел боеприпас.

А колонна продолжала идти. Три "Буратино", грузовики, бензовозы — всё это медленно, но верно двигалось к цели.

— Есть, — выдохнул Ксан-Та и потерял сознание.

Очнулся он в землянке. Рядом сидел Серёга и смотрел на него с беспокойством.

— Живой, — сказал он с облегчением. — А то я уже думал...

— Колонна? — спросил Ксан-Та.

— Прошла. Целая. Дед приказал тебя не трогать, сказал, что ты герой.

— Я не герой. Я просто сделал то, что умею.

— Ну да, — Серёга усмехнулся. — Умеешь ты, Димон, такое, что никто не умеет. Ты как вообще? Голова не болит?

— Болит. Всё болит.

— Понятно. Дед велел, как очухаешься, к нему зайти. Там гости из штаба.

— Гости?

— Ага. Какие-то важные шишки. Про дронов спрашивают. Про то, что вчера было.

Ксан-Та сел. Голова кружилась, но он справился.

— Что им сказали?

— Сказали, что дрон упал сам. Техника, мол, подвела. Но они не верят. Хотят с тобой поговорить.

— С кем? Со мной?

— С тобой, Димон. С Дмитрием Андреевичем Соболевым, связистом.

Ксан-Та помолчал. Потом встал, надел куртку и пошёл к Деду.

В штабной землянке было накурено. За столом сидели двое — полковник в чистой, выглаженной форме и гражданский в очках, с усталым лицом учёного. Дед сидел в углу и курил.

— Дмитрий Андреевич, — сказал полковник. — Присаживайтесь. Разговор есть.

Ксан-Та сел.

— Меня зовут полковник Громов, особый отдел. А это профессор Вознесенский, физик из Москвы. Мы хотим задать вам несколько вопросов.

— Слушаю.

— Вчера ночью на вашем участке произошло странное событие. Беспилотник противника упал без видимых причин. При осмотре выяснилось, что все системы работают, батарея заряжена, боеприпас на месте. Он просто... упал.

— Я слышал об этом.

— И в то же самое время колонна наших войск прошла через участок, который патрулировал этот дрон, и не была обнаружена. Совпадение?

— Не знаю.

— А мы знаем, — вмешался профессор. — Мы проанализировали телеметрию дрона. За секунду до падения его тепловизор зафиксировал аномалию. Несколько источников тепла на дороге — и вдруг они исчезли. Как будто их кто-то "выключил". А потом дрон потерял устойчивость и упал.

Ксан-Та молчал.

— Дмитрий Андреевич, — продолжил профессор. — Я знаком с вашими работами. Вы блестящий физик-ядерщик, но ваша специализация — не оптика и не тепловидение. Объясните, как человек с вашей квалификацией мог создать устройство, способное маскировать тепловые сигнатуры?

— Я не создавал устройство.

— А кто создал?

— Я не знаю.

— Дмитрий Андреевич, — вмешался полковник. — Давайте не будем играть в игры. Если у вас есть секретное оружие, которое может спасти жизни наших солдат, вы обязаны сообщить о нём командованию. Это не обсуждается.

— У меня нет оружия.

— Тогда что было вчера ночью?

Ксан-Та посмотрел на Деда. Тот чуть заметно покачал головой — не говори.

Но Ксан-Та устал врать. Устал притворяться. Устал бояться.

— То, что было вчера ночью, — сказал он медленно, — сделал я. Без всяких устройств. Я просто... умею это делать.

Полковник и профессор переглянулись.

— Что значит "умеете"? — спросил профессор.

— Это значит, что я могу влиять на гравитацию. Искривлять пространство. Отклонять тепловые лучи. И, если надо, ронять дроны.

— Это невозможно, — твёрдо сказал профессор.

— Знаю. Но это так.

В землянке повисла тишина. Слышно было только, как тикают часы на руке у полковника.

— Продемонстрируйте, — сказал полковник.

— Что?

— Продемонстрируйте. Прямо сейчас.

Ксан-Та покачал головой.

— Не могу. После вчерашнего я истощён. Мне нужно время, чтобы восстановиться.

— Сколько?

— День. Два.

— Хорошо, — полковник поднялся. — Два дня мы подождём. Но если вы нас обманываете, если это какая-то игра... последствия будут серьёзными. Вы понимаете?

— Понимаю.

— И ещё. Никуда не уезжать. Вы под наблюдением.

Они ушли. Дед выдохнул, закурил новую папиросу.

— Ну и зачем ты им сказал? — спросил он.

— Устал врать, — ответил Ксан-Та. — И потом, если они правда могут помочь... если у меня будет возможность делать больше... я смогу спасти больше людей.

— Или тебя самого убьют, — мрачно сказал Дед. — Такие вещи, Димон, они не прощают. Ты для них теперь не человек, а ресурс. Опытный образец. Будут изучать, тестировать, использовать. возможно много лет, как обычно.

— Пусть, — Ксан-Та посмотрел на него. — Моя планета погибла. Мой народ мёртв. У меня ничего нет. Если я могу помочь вашим людям не умирать — пусть изучают. Пусть используют. Какая разница?

Дед посмотрел на него долгим взглядом.

— А ты не так прост, инопланетянин, — сказал он наконец. — Ладно. Будем посмотреть.

Через два дня, как и обещал, Ксан-Та предстал перед комиссией.

Его вывезли в тыл, в какой-то ангар, где собрались люди в погонах и люди в белых халатах. В центре ангара стоял старый танк — видимо, трофейный, без двигателя и гусениц.

— Поднимите его, — сказал полковник Громов.

— Это десять тонн, — ответил Ксан-Та. — Я не смогу.

— А что сможете?

— Сдвинуть. Чуть-чуть.

— Пробуйте.

Ксан-Та подошёл к танку. Положил руку на броню — холодную, шершавую, покрытую старой краской. Закрыв глаза.

Он чувствовал гравитацию. Чувствовал, как поле Земли давит на эту машину, прижимает её к грунту. И чувствовал, как можно ослабить это давление — чуть-чуть, на долю процента.

Сосредоточился. Напрягся.

Танк дрогнул.

Сначала никто не понял — показалось? Но потом профессор Вознесенский закричал:

— Сдвинулся! Он сдвинулся на миллиметр!

Ксан-Та открыл глаза и упал на колени. Из носа хлестала кровь, перед глазами плыло.

— Хватит, — сказал он. — Больше не могу.

— Отведите его в лазарет, — распорядился полковник. Голос у него был странный — смесь испуга, восторга и жадности.

Ксан-Та увели. А в ангаре остались люди в погонах и люди в белых халатах, смотревшие на танк, который сдвинулся сам собой.

— Товарищ полковник, — тихо сказал профессор. — Если это правда... если он действительно управляет гравитацией... это меняет всё.

— Я знаю, — ответил Громов. — Я знаю.

Через неделю Ксан-Та уже был в Москве.

Его поселили в отдельном коттедже на территории закрытого института. Кормили три раза в день, поили витаминами, проверяли каждый сантиметр тела. Профессор Вознесенский приходил каждый день и задавал вопросы — о Ксан-Таре, о гравитации, о возможностях.

— Вы можете поднять человека? — спрашивал он.

— Могу. Но зачем?

— А грузовик?

— Тренироваться надо.

— А самолёт?

— Теоретически.

— А спутник?

— Спутник — легко. На орбиту. Я этим и занимался на своей планете.

Профессор делал пометки в блокноте, и глаза его горели.

А через месяц пришёл полковник Громов с новостью:

— Противник готовит наступление. У них новые "Леопарды", артиллерия, дроны. Мы несём потери. Есть предложение.

— Какое?

— Помочь. По-настоящему. Не дроны ронять, а... — он помолчал. — Есть у них аэродром в Староконстантинове. Там сейчас F-16 стоят. Американские. Если их убрать...

— Я не убийца, — сказал Ксан-Та.

— А они — убийцы, — жёстко ответил Громов. — Эти F-16 уже запустили ракеты на наши города. На Белгород, на Донецк. Там дети погибли. Мирные. Вы хотите это прекратить?

Ксан-Та молчал.

— Вы говорили, что можете поднимать предметы на орбиту, — продолжал Громов. — А можете сбрасывать? Если поднять бетонный блок и сбросить его на аэродром...

— Это убьёт людей.

— Это убьёт солдат. Которые воюют против нас. Которые хотят убивать наших солдат и наших детей.

Ксан-Та закрыл глаза. Перед ним стояла Ирра-Сан, его ассистентка, погибшая при взрыве звезды. Стояли Саня и Петрович, мёртвые у перевернутого УАЗика. Стоял Дед с папирсой и усталыми глазами.

— Я подумаю, — сказал он.

— Думайте, — ответил Громов. — Время не ждёт.

Он ушёл. А Ксан-Та остался один в комнате, глядя в окно на московское небо.

Где-то там, за облаками, была орбита. Где-то там летали спутники "Старлинк", наводившие ракеты на позиции российских войск. Где-то там, если очень захотеть, можно было разместить груз. Бетонный груз. Тяжёлый.

— Что бы ты сделала, Ирра? — спросил он у пустоты. — Стала бы убивать, чтобы спасти?

Пустота не ответила.

Но где-то в глубине души (теперь человеческой души) Ксан-Та знал ответ.
Конец второй главы

Глава 3

Груз с небес

Апрель-май 2025 года. Москва, Звёздный городок, а затем — Старокопстантинов.

Месяц в человеческом теле научил Ксан-Та многому.

Он научился есть ложкой, не роняя еду на стол. Научился различать оттенки человеческих эмоций по выражению лиц — этому на Ксан-Таре не учили, там эмоции передавались иначе, тонкими модуляциями светового поля. Научился терпеть боль, которая приходила каждый раз, когда он пытался использовать свои способности.

Но главное — он научился ждать.

Месяц в институте был месяцем тестов. Его будили в семь, кормили завтраком (каша, яйцо, хлеб с маслом — он уже привык к этой земной пище), а потом вели в лабораторию. Там профессор Вознесенский и его команда цепляли к нему датчики, снимали энцефалограммы, кардиограммы, миограммы, заставляли смотреть на экраны и нажимать кнопки.

— Сконцентрируйтесь на этом предмете, — говорил профессор, указывая на металлический шарик в герметичном боксе. — Попробуйте сдвинуть его.

Ксан-Та сдвигал. Сначала на миллиметр, потом на сантиметр, потом на десять сантиметров. С каждым разом уходило меньше сил, кровь текла не так обильно, голова болела не так сильно.

— Феноменально, — записывал профессор в блокнот. — Абсолютно феноменально. Никаких внешних устройств, никаких видимых излучений. Просто воля, меняющая гравитацию.

— Это не воля, — поправлял Ксан-Та. — Это нейронные связи. У моего народа есть специальный отдел мозга, отвечающий за восприятие и управление гравитационными полями. У людей такого отдела нет. Я использую свой, но через человеческое тело. Это как... как смотреть на мир через мутное стекло.

— А можно этот отдел... активировать? У людей?

— Не знаю. Может быть, при определённых условиях. Но экспериментировать на людях я не буду.

— Почему?

— Потому что это может их убить. Или свести с ума.

Профессор понимающе кивал и продолжал записи.

А по вечерам приходил полковник Громов.

— Как успехи? — спрашивал он, садясь напротив Ксан-Та в его комнате.

— Прогресс есть, — отвечал тот. — Я могу перемещать предметы до ста килограммов на расстояние до километра. Могу создавать гравитационное поле, отклоняющее лёгкие снаряды. Могу...

— Этого мало, — перебивал Громов. — Нам нужно больше.

— Я знаю. Мне нужно время.

— Времени нет, — Громов доставал планшет, показывал сводки. — За эту неделю — двести семьдесят погибших. Три населённых пункта перешли под контроль противника. Сто пятьдесят единиц техники уничтожено. А у них — новые F-16, новые дроны, новые ракеты. Вы понимаете? Каждый день гибнут люди, которых мы могли бы спасти.

Ксан-Та молчал. Он смотрел на цифры и пытался представить их живыми. Двести семьдесят человек. Почти столько же, сколько учёных работало в Центре Управления Пространством на Ксан-Таре. Целая лаборатория, полная жизнью.

— Я понимаю, — говорил он наконец. — Но если я сорвусь, если сделаю слишком много и истощу себя до смерти — я не смогу помочь никому.

— Тогда работайте быстрее, — отвечал Громов и уходил.

В середине мая произошло то, что изменило всё.

Ксан-Та сидел в своей комнате и смотрел телевизор — он научился смотреть телевизор, хотя поначалу это казалось ему странным: смотреть на плоские движущиеся картинки, изображающие то, что происходит за сотни километров.

Показывали новости. Дикторша с красивым, но усталым лицом читала сводки с фронта. Потом пошли кадры с места очередного обстрела.

— Сегодня утром украинские войска нанесли удар по городу Шебекино, — говорила дикторша. — Погибли семь мирных жителей, среди них — двое детей. Ранены двадцать три человека.

Ксан-Та смотрел на экран. Там показывали разбитую машину, скорую помощь, людей в чёрном, которые несли маленький гробик.

Маленький. Гробик.

Что-то ёкнуло внутри. То самое новое человеческое сердце, которое билось в его груди уже почти два месяца.

— Дети, — прошептал он. — Зачем вы убиваете детей?

Ответа не было. Только картинка на экране и голос дикторши, перечисляющей имена погибших.

Вечером пришёл Громов. Он был мрачнее обычного.

— Видели новости? — спросил он.

— Да.

— И что скажете?

Ксан-Та помолчал. Потом сказал то, что крутилось в голове весь день:

— Где находится аэродром, с которого взлетают эти самолёты?

Громов поднял бровь.

— Старокопанинское. Хмельницкая область. Там сейчас базируется эскадрилья F-16. Американские пилоты, американские техники, американские ракеты. Именно они работают по нашим городам.

— Покажите на карте.

Громов развернул планшет, нашёл спутниковый снимок. Ксан-Та смотрел на взлётную полосу, на ангары, на стоянки самолётов. Маленькие серебристые точки — машины смерти.

— Сколько там людей?

— На аэродроме? Около тысячи. Военных. Техников. Пилотов.

— И они все убивают?

— Они все участвуют в убийствах. Пилоты нажимают кнопки, техники готовят самолёты, охрана охраняет. Это армия.

Ксан-Та кивнул.

— Мне нужен бетонный блок. Десять тонн. И полная изоляция на время работы.

Громов смотрел на него секунду, потом улыбнулся. Впервые за всё время знакомства.

— Будет сделано.

Через три дня Ксан-Та стоял на заброшенном заводе ЖБИ под Екатеринбургом.

Завод когда-то делал плиты для строительства, но давно обанкротился. Во дворе штабелями лежали десятки бетонных блоков — серых, пыльных, забытых. Некоторые были по пять тонн, некоторые по десять, некоторые по двадцать.

— Выбирайте, — сказал сопровождающий — молодой капитан с колючими глазами.

Ксан-Та прошёлся вдоль штабелей. Потрогал бетон рукой. Холодный, шершавый, тяжёлый. Хороший материал — плотный, прочный, негорючий.

— Вот этот, — он указал на блок примерно десять на три на три метра. — Сколько он весит?

— Двенадцать тонн, — капитан сверился с документами. — Точно не помню, но около того.

— Подойдёт.

Ксан-Та сел прямо на землю, скрестив ноги. Закрыл глаза.

— Все на безопасное расстояние, — приказал капитан. — Сапёры, готовность.

Солдаты отошли метров на сто. Ксан-Та остался один.

Он сосредоточился.

Первое, что нужно было сделать — почувствовать блок. Не как объект, а как часть гравитационного поля. Увидеть его вес, его инерцию, его связь с Землёй. На Ксан-Таре это было естественно, как дыхание. Здесь — как попытка пошевелить парализованной рукой.

Но он старался.

Двенадцать тонн бетона. Огромная масса. Если бы он попытался поднять её сразу, тело не выдержало бы — сердце остановилось бы, сосуды лопнули, мозг отключился. Нужно было делать это постепенно, шаг за шагом.

Сначала — ослабить гравитацию. Уменьшить давление поля на блок. Пусть он станет легче на десять процентов.

Кровь ударила в нос. Ксан-Та не открывал глаз, только вытер её рукой и продолжил.

Двадцать процентов. Тридцать. Сорок.

Блок дрогнул. Чуть-чуть приподнялся над штабелем.

— Есть контакт, — прошептал кто-то из солдат.

— Молчать! — рявкнул капитан.

Пятьдесят процентов. Шестьдесят. Семьдесят.

Блок оторвался от штабеля и медленно, очень медленно, поплыл в воздухе. Метр над землёй. Два. Три.

Ксан-Та задыхался. Каждый удар сердца отдавался в висках пульсирующей болью. Но он не останавливался.

Восемьдесят процентов. Блок на высоте десяти метров.

— Охренеть, — выдохнул кто-то.

Девяносто.

И тут Ксан-Та понял, что не может дышать. Лёгкие отказывались работать, сердце колотилось как бешеное, перед глазами плыли чёрные пятна.

Он открыл глаза, и блок рухнул вниз.

Грохот был оглушительным. Двенадцать тонн бетона ударились о землю, подняв тучу пыли. Ксан-Та упал на спину, не в силах пошевелиться.

— Доктора! — закричал капитан. — Доктора сюда!

Его откачивали полчаса. Капельницы, уколы, кислородная маска. Когда Ксан-Та пришёл в себя, первое, что он увидел, было встревоженное лицо профессора Вознесенского.

— Вы идиот, — сказал профессор беззлобно. — Вы могли умереть.

— Не умер, — прохрипел Ксан-Та.

— В следующий раз можете не успеть. Надо наращивать нагрузки постепенно, а не прыгать сразу на двенадцать тонн!

— Нет времени на постепенно, — Ксан-Та попытался сесть, закашлялся. — Дети. В Шебекино. Их уже не вернуть.

Профессор посмотрел на него странным взглядом.

— Вы... вы действительно изменились, — сказал он тихо. — За эти два месяца. Вы стали человеком, Ксан-Та.

— Я не хотел становиться человеком. Я хотел просто выжить.

— Поздно. Вы уже человек. И человеческие чувства теперь ваши. Берегите себя.

Понадобилось ещё две недели, чтобы подготовить блок к запуску.

Ксан-Та тренировался каждый день, постепенно увеличивая нагрузку. Через неделю он мог поднять блок на сто метров и удерживать его час. Через две — на километр и три часа.

— Пора, — сказал Громов, когда данные разведки подтвердили: в Староконстантинове стоят четыре F-16, готовые к боевым вылетам. — Сегодня ночью.

Их вывезли в чистое поле, подальше от населённых пунктов. Стояла тёплая майская ночь, пахло травой и цветущими деревьями. Ксан-Та сидел в машине, смотрел на звёзды и вспоминал Ксан-Тар.

Там тоже были ночи. Но звёзды были другими. И планета была живой.

— Готовы? — спросил Громов.

— Да.

Ксан-Та вышел из машины. Бетонный блок лежал в ста метрах — его привезли на специальном трейлере. Двенадцать тонн смерти, ожидающей своего часа.

Он подошёл к блоку, положил руку на холодный бетон.

— Я не хочу убивать, — сказал он тихо. — Но если это остановит убийства... простите меня.

И начал работать.

На этот раз он действовал осторожно, постепенно. Блок поднялся в воздух, медленно набирая высоту. Сто метров. Километр. Пять километров. Десять.

— Он идёт, — докладывал кто-то по рации. — Радары фиксируют объект на высоте пятнадцать километров.

Двадцать. Тридцать. Сорок.

Ксан-Та лежал на траве, глядя в небо. Сейчас он не видел блок — тот был слишком далеко. Но он чувствовал его, чувствовал каждую частицу бетона, каждую арматуру внутри.

— Выводите на орбиту, — скомандовал Громов.

Пятьдесят километров. Шестьдесят. Семьдесят. Это уже не атмосфера, это почти космос. Блок летел по инерции, но Ксан-Та продолжал подталкивать его, придавать ускорение.

Сто километров. Линия Кармана. Граница космоса.

— Есть выход на орбиту, — сказал Ксан-Та, открывая глаза. — Он на орбите.

— Отлично, — Громов выдохнул. — Теперь ждём.

В машине включили спутниковую связь. На экране появилось изображение с военного спутника — аэродром Староконстантинов, видимый с высоты.

— Время подлёта — два часа, — сказал офицер-навигатор. — Блок войдёт в атмосферу над территорией противника и упадёт точно на цель.

— Не упадёт, — поправил Ксан-Та. — Я его поведу до конца.

— Вы не сможете, — возразил профессор. — Это слишком далеко, слишком много помех...

— Смогу.

Он закрыл глаза и снова сосредоточился.

Блок висел на орбите. Ксан-Та чувствовал его там, на высоте ста пятидесяти километров, и одновременно чувствовал Землю внизу. Огромный шар, вращающийся в пустоте. И на этом шаре — маленькая точка, аэродром, где спят люди, которые завтра убьют других людей.

— Начинаю снижение, — сказал он.

Блок дрогнул и начал падать.

Падение с орбиты — это не просто падение. Это вход в атмосферу на скорости восемь километров в секунду. Это трение, нагрев, плазма. Обычный метеорит сгорает, не долетев до

земли. Но блок был не обычным — Ксан-Та держал его, защищал гравитационным полем, отводил тепло, гасил скорость.

— Температура обшивки — три тысячи градусов, — комментировал профессор, глядя на телеметрию. — Четыре. Пять. Как он выдерживает?

— Я выдерживаю, — прошептал Ксан-Та.

В голове гудело. Кровь текла из носа, из ушей, из глаз. Тело била крупная дрожь. Но он держал блок.

Пятьдесят километров. Сорок. Тридцать.

На этом этапе блок вошёл в плотные слои атмосферы. Скорость упала до двух километров в секунду, но всё ещё была чудовищной.

— Его видят, — сказал офицер ПВО. — Украинские радары засекли объект. Поднимают истребители?

— Поздно, — ответил Громов. — Слишком поздно.

Двадцать километров. Десять. Пять.

Ксан-Та видел аэродром так ясно, как будто сам летел рядом с блоком. Видел взлётную полосу, ангары, стоянки. Видел маленькие фигурки людей, выбегающих из зданий, смотрящих в небо.

— Простите, — прошептал он.

Один километр.

Блок ударил точно в центр стоянки F-16.

Взрыв был виден со спутника — яркая вспышка, потом гриб дыма и пыли. Двенадцать тонн бетона, разогнанные до скорости звука, смели всё в радиусе километра. Самолёты превратились в металлолом. Ангары — в руины. Люди — в воспоминания.

— Есть поражение, — доложил офицер. — Цель уничтожена.

Ксан-Та открыл глаза и потерял сознание.

Очнулся он через сутки в госпитале.

Рядом сидел Громов и смотрел на него странным взглядом — смесь уважения, страха и благодарности.

— Вы живы, — сказал он. — Врачи сказали, что это чудо. Ваше сердце останавливалось три раза.

— Знаю, — прошептал Ксан-Та. — Я чувствовал.

— Аэродром уничтожен. Четыре F-16, склад боеприпасов, топливозаправщик. Около трёхсот человек личного состава. Потери противника — критические.

Ксан-Та закрыл глаза.

— Триста, — повторил он. — Триста жизней.

— Это война, — жёстко сказал Громов. — Они бы убили в десять раз больше наших, если бы мы их не остановили. Вы спасли жизни, Ксан-Та. Наши жизни.

— Я знаю, — Ксан-Та открыл глаза. — Но легче не становится.

— Привыкнете.

— Не хочу привыкать.

Громов помолчал, потом достал из планшета бумаги.

— Есть ещё работа. Спутники "Старлинк". Они наводят артиллерию, корректируют дроны, дают связь противнику. Если мы их выведем из строя...

— Сколько их?

— Над зоной конфликта — около двухсот. Всего на орбите — тысячи.

— Я не могу сбить тысячу спутников. Это убьёт меня.

— А можете сделать так, чтобы они сами сломались? — вмешался профессор, входя в палату. — Я думал об этом. Если создать на орбите облако мелкого мусора... шрапнели... спутники, движущиеся с огромной скоростью, врежутся в него и выйдут из строя.

Ксан-Та задумался.

— Теоретически — да. Но нужно поднять на орбиту контейнер с металлическим наполнителем. И разорвать его в нужной точке.

— Сделаем, — сказал Громов. — Отдыхайте пока. Через неделю приступаем.

Через неделю Ксан-Та снова стоял в поле.

На этот раз объектом был не бетонный блок, а обычный металлический контейнер, набитый обрезками арматуры, гайками, болтами — всем, что нашлось на складе металлолома. Три тонны шрапнели, готовой отправиться в космос.

— Вы уверены, что это сработает? — спросил профессор.

— Нет, — честно ответил Ксан-Та. — Но попробовать стоит.

Подъём прошёл легче, чем в прошлый раз. Контейнер был легче, и Ксан-Та уже натренировался. Через два часа он вышел на орбиту и завис на высоте пятьсот километров, прямо на трассе пролёта спутников "Старлинк".

— Ждём, — сказал он.

Ждать пришлось недолго. Первая группа спутников показалась через полчаса — цепочка ярких точек, движущихся по небу.

— Они идут, — доложил офицер слежения. — Три спутника, скорость — семь километров в секунду.

— Время до контакта?

— Три минуты.

Ксан-Та закрыл глаза. Он чувствовал контейнер, чувствовал спутники, чувствовал момент, когда они сблизятся.

— Давай, — сказал он себе.

И разжал невидимые пальцы.

Контейнер взорвался — не физически, а гравитационно. Три тонны металла разлетелись в разные стороны, создавая облако смертоносных осколков. Каждый осколок летел теперь по своей орбите, перекрывая целый сектор пространства.

Первый спутник врезался в облако через минуту.

На спутниковом снимке это выглядело как короткая вспышка — и темнота. Спутник, прошитый десятками мелких осколков, превратился в космический мусор.

Второй. Третий.

Потом ещё пять. Ещё десять.

— Господи, — прошептал профессор, глядя на телеметрию. — Это работает. Это действительно работает.

Ксан-Та не отвечал. Он считал.

Каждая вспышка — это спутник. Каждый спутник — это связь, наводка, смерть. Каждый уничтоженный спутник — спасённые жизни.

К утру было уничтожено двести тридцать семь спутников "Старлинк".

— Весь кластер над зоной конфликта выведен из строя, — доложил офицер. — Связь у противника нарушена, наведение артиллерии — вслепую.

Ксан-Та лежал на траве, глядя в небо. Он не чувствовал ничего — ни радости, ни гордости, ни удовлетворения. Только пустоту.

— Вы спасли тысячи жизней, — сказал Громов, подходя к нему.

— Я убил двести тридцать семь машин, — ответил Ксан-Та. — Это не жизнь.

— Это война.

— Знаю. И ненавижу её.

Громов помолчал, потом протянул ему фляжку с водой.

— Пейте. Завтра будет новый день. И новая работа.

Новая работа пришла через три дня.

На этот раз целью был штаб группировки ВСУ в Краматорске. Подземный бункер, защищённый несколькими перекрытиями из бетона и стали. Ракеты его не брали — слишком глубоко.

— Справитесь? — спросил Громов.

— Бункер? — переспросил Ксан-Та. — Это тяжелее, чем аэродром. Нужен очень тяжёлый груз.

— Двадцать тонн. Бетонный блок с завода в Воронеже. Уже готов.

— Мне нужно два дня отдыха. И потом — день на подъём.

— Есть.

Ксан-Та отдыхал. Спал, ел, гулял по территории института. Смотрел на небо и думал о Ксан-Таре. Об Ирре-Сан. О городе Эр-Ксаль, превратившемся в тень.

— Ты бы поняла меня? — спрашивал он пустоту. — Или осудила?

Пустота молчала.

Через два дня он снова был в поле. Двадцатитонный блок лежал на трейлере, ожидая своей очереди стать оружием.

— Начинаем, — сказал Ксан-Та.

Подъём был мучительным. Двадцать тонн — это почти предел его возможностей. Кровь текла рекой, сердце останавливалось дважды, врачи дежурили рядом с дефибриллятором.

Но он поднял.

Блок ушёл на орбиту, описал полукруг и начал падение на Краматорск.

— Цель — штаб, — повторял Ксан-Та, ведя блок сквозь атмосферу. — Только штаб. Только военные.

Он видел здание. Видел бетонные стены, антенны на крыше, охрану у входа. И — видел детей. Детей, игравших в соседнем дворе.

— Отвести, — прошептал он. — Надо отвести.

Секунда колебания — и блок качнулся, смещаясь на несколько метров. Он упал точно на штаб, но не задел жилой дом.

Взрыв. Дым. Крики.

— Цель уничтожена, — доложил офицер. — Штаб группировки "Север" ликвидирован. Потери противника — до двухсот человек.

Ксан-Та не слышал. Он лежал без сознания, и впервые за долгое время ему снился сон.

Он стоял на смотровой площадке Центра Управления Пространством. Рядом стояла Ирра-Сан и смотрела на звёзды.

— Ты убиваешь их, — сказала она.

— Я спасаю других.

— Это одно и то же.

— Нет, — возразил Ксан-Та. — Это выбор. Меньшее зло.

— Зла не бывает меньше, — Ирра-Сан покачала головой. — Оно всегда зло. Ты стал другим, Ксан-Та. Ты стал человеком.

— Может быть, это не так плохо?

— Посмотрим.

Она исчезла. А Ксан-Та проснулся в палате, глядя в белый потолок.

За окном светило солнце. Где-то пели птицы. И где-то далеко, за горизонтом, продолжалась война.

— Я не хотел становиться человеком, — прошептал он. — Но, кажется, выбора у меня не было.

Он закрыл глаза и попытался вспомнить лицо Ирры-Сан. Но не смог. Только тень. Тень на фоне взрывающейся звезды.

Конец третьей главы

Глава 4

Тень над полем боя

Июнь-июль 2025 года. Зона СВО.

Очнувшись после удара по Краматорску, Ксан-Та обнаруж

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.